

На правах рукописи

Понкратова Ирина Юрьевна

**КАМЕННЫЙ ВЕК
ПОЛУОСТРОВА КАМЧАТКА**

Специальность 5.6.3. – Археология (исторические науки)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

доктора исторических наук

Магадан–2022

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Северо-Восточный государственный университет», (г. Магадан).

Научный консультант:

Шуньков Михаил Васильевич, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН.

Официальные оппоненты:

Алексеев Анатолий Николаевич, доктор исторических наук, профессор, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук – обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Якутский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук», научный руководитель.

Василевский Александр Александрович, доктор исторических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сахалинский государственный университет», заведующий кафедрой российской и всеобщей истории Института филологии, истории и востоковедения.

Павлов Павел Юрьевич, доктор исторических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук Институт языка, литературы и истории, главный научный сотрудник.

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук.

Защита состоится «22» ноября 2022 г. в 10:00 часов.

на заседании диссертационного совета 24.1.030.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (ИАЭТ СО РАН) по адресу: 630090, г. Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ИАЭТ СО РАН www.archaeology.nsc.ru.

Автореферат разослан _____ 2022 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор исторических наук

С. В. Маркин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. В современной проблематике археологии от палеолита до палеометалла Севера Дальнего Востока России, несмотря на достижения археологической науки, сделанные в последние годы в России и мире [Василевский, 2000, 2008а, б; Деревянко, 2011, 2015; Деревянко, Шуньков, 2014, 2015, 2017; Potter, Irish, Reuther et al., 2014; Pitulko, Kuzmin, Glascock et al., 2019; Derevianko, 2020 и др.], каменный век полуострова Камчатки и сегодня остается малоизвестным для большинства российских и зарубежных исследователей.

Северные территории Азии и Аляски считаются одной большой культурной зоной [Питулько, Павлова, 2010; Ackerman, 1984; 1998; 2011; Hoffecker, Elias, Potapova, 2020 и др.]. Соединенные в древности Берингийским перешейком народы двух материков сохраняли общие этнические корни, традиции, культуру [Табарев, 2004, 2008; Anderson, 1984; Anderson Sh., Ponkratova, Zhushchikhovskaya, 2021; Fitzhugh, 2022 и др.], и заселение северо-западной части американского континента связывают с первоначальным заселением Камчатки. Миграции, культурные связи между Северной Азией, в том числе Камчаткой, и Северной Америкой – одни из самых обсуждаемых проблем археологии Тихоокеанского севера [Васильев, 2004; Васильев, Березкин, Козинцев, 2009; Васильев, Березкин, Дыбо и др., 2013; Воробей, 2001; Dumond, 1984; Goebel, Waters, Dikova, 2003; Cassidy, 2008; Erlandson, Braje, 2011; Meltzer, 2009; Goebel, Slobodin, Waters, 2010; Halfman, Potter, McKinney et al., 2015; Fladmark, 2017; Graf, Buvit, 2017; Davis, Madsen, Vecerra-Valdivia et al., 2019; Maritime Prehistory., 2022 и др.].

Близость Камчатки на юге с островами Курильской гряды, Японии, Сахалина, а также Китая, Кореи определяли схожесть ряда элементов материальной и духовной культуры древнего населения этих территорий [Василевский, 2008а; Василевский, Грищенко, 2002, 2014; Василевский, Шубина, 2002; Грищенко, 2009, 2010, 2011; Деревянко, Волков, Ли Х., 1998; Самарин, Шубина, 2013; Шубина, 1990; Gai Pei, 1985, 1992; Gibbs, Isaksson, Craig et al., 2017; Lee G-K., 2006; Zhang, Wang, Qiu et al., 2011; Iwase, 2016; Otani, Lee, 2017; Morisaki, 2019; Vasilevski, Grishchenko, 2022 и др.].

Археологические комплексы Якутии, Приамурья, Забайкалья, Приангарья, бассейна р. Колымы, Чукотки [Алексеев, 1994, 1996а, 1996б; Деревянко А. П., Деревянко Е. И., Нестеров и др., 2017; Деревянко, Нестеров, Табарев и др., 2020; Деревянко, Рыбин, 2005; Бердников, Бердникова, Воробьева и др., 2014; Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988; История Якутии, 2020; Кирьяк, 2003; Медведев, 2006; Слободин, 1999; Федосеева, 1980; Pitulko, Kuzmin, Glascock et al., 2019 и др.] – территорий, расположенных к северу и западу от Камчатки также представляют значительный интерес для культурных сопоставлений.

В основе периодизации и хронологии древних культур Севера Дальнего Востока России была и остается до настоящего времени

используемая в научных, энциклопедических и учебных изданиях, предложенная еще в 1970-х гг. Н. Н. Диковым схема опорных стоянок Ушки на Камчатке. Благодаря новым данным о вулканической активности, рельефообразовании, об археологических памятниках на Камчатке [Новейший и современный вулканизм..., 005; Певзнер, Яшина, Смышляева и др., 2019; Пономаренко, 2014; Понкратова, 2018в; Понкратова, Губар, Волков и др., 2020; Пташинский, 2014; Pendea, Harmsen, Keeler et al, 2016; Ponomareva, Portnyagin, Pendea et al., 2017; Pendea, Ponomareva, Bourgeois et al., 2017; Ponkratova, Chlachula, Clausen, 2021a, 2021б; Ponkratova, Davis, Bean et al., 2022 и др.] и сопредельных территориях [Алексеев, Дьяконов, 2009; Василевский, 2008; Грищенко, 2011; Деревянко, Нестеров, Алкин и др. 2004; Ли Ю.Д., Ким Ч., 2010; Ли Х., 2010; Медведев, 2008; Шевкомуд, 2005; Anderson D. D., 2017; Pitulko, Kuzmin, Glascock et al, 2019; Potter, Irish, Reuther et al., 2011; Vasilevski, Grishchenko, 2022 и др.] сегодня возможно уточнение периодизации памятников полуострова для внесения корректировок в прежние схемы и обобщающие новейшие исследования. Отсутствие качественно новой периодизации каменного века Камчатки на современном этапе не позволяет представить общую картину заселения и освоения Северо-Восточной Азии.

Таким образом, актуальность темы исследования определяется имеющимися нерешенными проблемами хронологии, стратиграфии, периодизации и этапов заселения, культурных связей в археологии каменного века Камчатки.

Объект исследования – материальная и духовная культура населения полуострова Камчатка в конце плейстоцена и голоцене. **Предмет исследования** – археологические памятники и артефакты каменного века Камчатки.

Цель исследования – формирование концептуальной модели истории населения на территории Камчатки в каменном веке.

Задачи исследования:

1. Описание и анализ современного состояния археологического изучения Камчатки, начиная с XIX в.
2. Установление взаимосвязи событий в природе и в обществе на разных этапах освоения человеком Камчатки в плейстоцене и голоцене.
3. Техничко-типологический анализ, систематизация каменных и костяных индустрий, изучение керамики археологических комплексов Камчатки.
4. Реконструкция материальной и духовной культуры населения каменного века Камчатки в конце плейстоцена – голоцене.
5. Определение места памятников каменного века Камчатки в кругу синхронных археологических объектов на сопредельных территориях.

Хронологические рамки исследования: конец плейстоцена – поздний голоцен. Нижняя хронологическая граница определена датами самого раннего исследованного этапа заселения стоянок Ушки I, V – 13300–12000

кал. л.н. Сегодня – это наиболее древний обнаруженный археологический памятник на Камчатке. Верхняя граница маркируется памятниками позднего неолита начала II тыс. н. э. Их изучение свидетельствует об особом образе жизни населения Камчатки. Здесь не зафиксированы такие виды деятельности как металлургия, стеклоделие, ткачество, характерные для бронзового и железного веков на сопредельных территориях

Географические рамки исследования ограничены территорией Камчатки и прилегающих к ней прибрежных и островных зон. Это «специфическая переходная область между древними материками Азии и гигантской структурой Тихого океана...» [Сметанин, 2011, с. 7]. Полуостров «с севера на юг вытянут на 1,2 тыс. км. Его площадь – 270 тыс. км². Вдоль него тянутся почти параллельно друг другу Срединный и Восточный хребты, средняя высота которых от 1500 до 2000 метров. Западные берега Камчатки омываются Охотским морем, восточные – Тихим океаном и Беринговым морем» [Камчатка, 2004, с. 344].

Будучи в древности частью Берингийской суши, Камчатка представляла и представляет собой своеобразную «заповедную зону», где до сих пор существуют многие, эндемичные виды флоры и фауны и заметно влияние соседних Якутии и Америки. Схожие особенности можно отметить и в облике культур и в истории коренных жителей региона, как древних, так и современных.

Камчатка, как составная часть Севера Дальнего Востока России, удалена от центральных районов Евразии; сухопутные и речные «магистральи» отсутствуют; природные условия суровы – все это и определило ее особенное развитие. Образ жизни населения, специфика его хозяйственной деятельности, развитие древнейших производств были дифференцированы разнообразными природно-климатическими условиями этого региона.

Методология и методы исследования определены объектом и предметом изучения. Методологической основой работы является комплексный междисциплинарный подход, обусловленный особенностями местонахождения археологических памятников Камчатки в особой зоне сложного рельефообразования, вулканической активности, удаленности от центральных районов Евразии, в суровых природных условиях, определивших уникальность региона. При их изучении использовались традиционные археологические и естественнонаучные методы. С археологическими комплексами и материалами использовались: планиграфический, описательный, технологический, трасологический, бинокулярная микроскопия, визуальная идентификация в сочетании с экспериментальным моделированием, технико-технологический метод и морфологическая классификация керамики, молекулярный и изотопный (липидный) анализ керамики, цифровое 2D и 3D сканирование артефактов, статистический методы.

В основе технико-типологического анализа каменных индустрий используются апробированные методические разработки [Деревянко, Маркин, Васильев, 1994; Деревянко, Волков, Ли Х., 1998; Васильев, Бозински, Бредли и др., 2007; Гиря, 1997 и др.]. При характеристике каменных артефактов комплексов использовались принятые в археологии термины и параметры [Абрамова, 1979; Деревянко, Маркин, Васильев, 1994; Васильев, Бозински, Бредли и др., 2007; Маркин, 1986]. На основе типологических и морфологических характеристик артефактов составлены сопоставительные таблицы.

Коллекция украшений и каменных орудий (выборка) изучалась посредством микроскопического анализа [Понкратова, Лбова, Губар, 2019; Понкратова, Губар, Волков и др., 2020]. Микроскопическое изучение изделий со следами краски на поверхности, гематита и образцов культурного слоя произведено с использованием микроскопа, программного обеспечения и цифровой камеры ALTAМI. Для определения химического состава пигментов, обнаруженных на предметах, использовалась сканирующая электронная микроскопия и энергодисперсионная рентгеновская спектроскопия (SEM-EDX), как не деструктивный метод, что позволило исследовать микроструктуру, качественный и количественный состав образца без его разрушения [Губар, Лбова, 2019; Волков, Лбова, Губар и др., 2018; Popelka-Filcoff, Miksac, Robertson et al., 2008].

При составлении периодизаций и корреляций использованы: методы относительного и абсолютного датирования. При обобщении материалов применялись проблемно-хронологический и историко-сравнительный методы, применение которых позволило сопоставить изучаемые процессы, происходившие на Камчатке с событиями на сопредельных территориях. Спецификой исследования стала возможность использования этноархеологического подхода для интерпретации историко-культурных процессов, палеоэкологических и археологических данных каменного века Камчатки.

Источниковая база: 1. Коллекционный фонд кафедры социальных и гуманитарных наук СВГУ, насчитывающий более 30 тысяч артефактов, полученных во время раскопок автором. В основе коллекций – материалы многослойной стоянки Ушки V и 60 неолитических памятников, обнаруженных в ходе разведочных работ. В том числе органические материалы (уголь, кости птиц и рыб, зубы собак), изученные специалистами в области точных и естественных наук России, США, Германии, Нидерландов. 2. Коллекции памятников каменного века из фондов Камчатского объединенного краеведческого музея (г. Петропавловск-Камчатский), Магаданского областного краеведческого музея и Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института (г. Магадан), археологической лаборатории Сахалинского государственного университета (г. Южно-Сахалинск), музеев Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН, Дальневосточного федерального университета

(г. Владивосток), Института археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск), Хабаровского краеведческого музея им. Гродекова (г. Хабаровск), Музея арктической археологии им. С. А. Федосеевой ГБУ «АНИЦ АН РС (Я)», Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН», Музея мамонта им. П.А. Лазарева (г. Якутск), лаборатории музея Шлезвиг-Гольштейн (Германия), Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (кунсткамера) (г. Санкт-Петербург), Центра по изучению первых американцев (Колледж Стэйшен, Техас, США), Центра исследований айнов и коренных народов Университета Хоккайдо (Саппоро, Япония) и др. 3. Полевые отчеты, хранящиеся в архивах СВГУ, СВКНИИ ДВО РАН, ИА РАН, учебного музея СахГУ. 4. Выявление особенностей рельефообразования и вулканической активности на Камчатке в плейстоцене и голоцене и их последствий для фауны, флоры, человека стало возможным, благодаря результатам данных смежных наук – вулканологии, геологии, палеонтологии [Базанова, Мелекесцев, Пономарева и др., 2016; Брайцева, Евтеева, Лупикина и др., 1966; Брайцева, Мелекесцев, Евтеева и др., 1968; Брайцева, Мелекесцев, Богоявленская и др., 1990; Брайцева, Мелекесцев, Пономарева и др., 1997; Брайцева, Мелекесцев, Пономарева и др., 2001; Певзнер, 2011, 2015; Певзнер, Пономарева, Сулержицкий, 2006; Певзнер, Яшина, Смышляева и др., 2019; Пономарева, 2010; Пономарева, Мелекесцев, Базанова и др., 2010; Яшина, Певзнер, Нечушкин, 2018; Braitseva, Ponomareva, Sulerzhitsky et al., 1997; Ponomareva, Portnyagin, Derkachev et al., 2016; Ponomareva, Portnyagin, Pendea et al., 2017 и др.], а также данных полевых исследований, полученных в процессе изучения культурных слоев археологических объектов [Понкратова, 2019а, 2019б, 2019в, 2019д, 2020а, 2020д, 2021а и др.]. Для оценки влияния климата на доисторического человека Камчатки использованы данные изучения озерных отложений центральной части полуострова [Дирксен, 2017; Ложкин, 1976; Ложкин, Андерсон, Матросова, 2005; Егорова, 1989, 2008; Lozhkin, Anderson, Vartanyan et al., 2001 и др.], опорных разрезов среднего и позднего плейстоцена Камчатки [Брайцева, Мелекесцев, Сулержицкий, 2005; Государственная..., 2006, 2009; Новейший и современный вулканизм..., 2005; Певзнер, Яшина, Смышляева и др., 2019 и др.]. Под руководством автора изучались отложения торфяника на севере полуострова [Pendea, Ponomareva, Bourgeois et al., 2017]. При анализе сырьевой базы для жизнеобеспечения населения стало возможно использовать данные современных справочников, этнографических описаний, специальных научных исследований, личных наблюдений. 5. База данных, насчитывающая около 300 хронологических определений, полученных при участии автора (59), опубликованных ранее абсолютных радиоуглеродных и установленных тефрохронологическим методом относительных дат археологических объектов. 6. Этнографические и исторические описания народов Камчатки (способы изготовления орудий, жилищ, способы передвижения, обряды, верования и пр.) [Вдовин, 1975; Дитмар, 2009; Иохельсон, 1997; Иннокентий (Попов-Вениаминов), 1840;

Крашенинников, 1994; Лессепс, 1801–1802; Немирович-Данченко, 1877; Слюнин, 1900; Стеллер, 1999; Langsdorff 1817; Witsen, 2010 и др.].

Защищаемые положения:

1. Первоначальное заселение полуострова Камчатка произошло позднее, чем заселение древним человеком восточных и южных сопредельных территорий – около 13,3 тыс. л.н.

2. Хронологическая схема периодизации каменного века Камчатки в конце плейстоцена – голоцене включает периоды от финального палеолита до позднего неолита.

3. Динамика и миграции населения Камчатки зависели от вулканической активности, эндогенного рельефообразования и связанными с ними последствиями.

4. Первоначальное заселение Камчатки связано, вероятно, с реверсивной (обратной) миграцией со стороны американского континента.

5. Материалы раннего неолита Камчатки свидетельствуют о росте населения и маркируют его сближение с ранним неолитом сопредельных территорий запада и юга Дальнего Востока (средний и нижний Амур, Сахалин, Курильские острова), мезолитическими и ранненеолитическими культурами Якутии, на Чукотке – от раннего неолита до палеометалла.

6. Данные о средне- и поздненеолитической Тарьинской культуре показывают стабильность населения в позднем голоцене вследствие относительного покоя тектонической и вулканической активности.

Научная новизна исследования: 1. Введены в научный оборот новые материалы о более 60 археологических объектах, открытых и/или исследованных автором, в том числе многослойных памятников. 2. Применены новые для археологии региона естественнонаучные методы исследования, таких как бинокулярная, сканирующая электронная и энергодисперсионная рентгеновская спектроскопия, визуальная идентификация в сочетании с экспериментальным моделированием, цифровое 2D и 3D сканирование артефактов. 3. Предположено впервые, что первоначальное более позднее по сравнению с сопредельными территориями заселение Камчатки древним населением связано с рельефообразованием полуострова и последствиями вулканической активности в финальном плейстоцене. 4. Предложена новая периодизация каменного века, которая позволяет объективно оценить процессы, имевшие место в древности на Камчатке, и может стать опорной для корреляции исторических событий на сопредельных территориях. 5. Получены новые данные о символической коммуникации, как базовом компоненте человеческой психики, характеризующие индивидуальные и коллективные трансляционные процессы и свидетельствующие о сложных структурах ископаемых культур Камчатки (использование искусственных пигментов и систем коммуникации – украшений). 6. Предложена историко-культурная интерпретация проблем культурных связей и миграции населения в древней истории Камчатки, а

также прилегающих территорий – Сахалина, Курильских островов и Японии, Приамурья и Приморья, Якутии, Северной Америки.

Практическая значимость заключается в возможности включения материалов исследования в обобщающие работы по древнейшей истории Дальнего Востока России, Сибири, Северной Америки, в учебный процесс (пособия по краеведению, вузовские курсы по археологии и история Дальнего Востока). Добытые автором коллекции могут стать частью музейных экспозиций.

Апробация работы. Результаты исследований были представлены в докладах на всероссийских и международных симпозиумах и конференциях, открытых лекциях в Новосибирске (2006), Магадане (2005, 2016, 2019), Баффало (2007), Торонто (2007), Рованиеми (2008), Барнауле (2017), Южно-Сахалинске (2017), Владивостоке (2018, 2019, 2021), Благовещенске (2018), Харбине (2018), Якутске (2019, 2021), Саппоро (2019), Ханты-Мансийске (2019), Красноярске (2020, 2021), Будапеште (2020), Киле (2021) и обсуждались на заседаниях отдела археологии каменного века ИАЭТ СО РАН (Новосибирск, 2018, 2019, 2022), в Институте гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск, 2019) и др. Данные исследования использованы при издании «Книги для чтения по истории родного края» (1998), учебного пособия для вузов «История Северо-Востока Азии (XX – начало XXI вв.)» (2020) и чтении курсов «Археология» и «История Северо-Востока Азии» в Северо-Восточном государственном университете (г. Магадан).

Автор искренне признателен за помощь и ценные советы своим учителям и коллегам А. П. Деревянко, М. В. Шунькову, С. П. Нестерову, А. А. Василевскому, Л. В. Лбовой, Л. Н. Мыльниковой, В. П. Мыльникову, В. Е. Медведеву, А. В. Табареву, А. Н. Попову, Н. И. Дроздову, В. А. Грищенко, О. А. Шубиной, Е. Ю. Гире, П. В. Волкову, Ю. С. Губар, Н. А. Дорофеевой, А. Н. Алексееву, Р. И. Бравиной, В. М. Дьяконову, Е. Н. Соловьевой, Н. Н. Крадину, Н. А. Клюеву, Т. А. Нохриной, Н. А. Кононенко, А. А. Крупянко, О. П. Федирко, М. Н. Мещерину, Н. С. Кирьянову, Ю.Е. Вострецову, Я. Гомесу Кутули, Л. Девису, Я. Бувиту, П. Джордану, А. Тецуя, М. Фукуда, И. Чахлула, Б. Фитцхью, Д. Кассиди и др. Содействие в обсуждении стратиграфии стоянки Ушки V оказали И. Клаузен, М. Вебер, А. Сиглофф. Радиоуглеродное определение проб из культурных отложений археологических памятников стало полноценным источником для понимания хронологии и особенностей заселения Камчатки, благодаря И. Клаузену (Германия), Т. Гейблу (США), Е. В. Пархомчук, В. В. Пархомчук, С. А. Растигееву (Россия), Ф. Пендеа (Канада). Археологические и палеоэкологические исследования в рамках «Международного совместного северного археологического проекта (ICCAP): российско-американские исследования на Камчатке» в 2009–2011 гг. на Северо-Восточном побережье Камчатки стали возможны, благодаря Гранту Национального научного фонда (NSF 0915131). В работах

на археологических памятниках Камчатки принимали участие студенты Северо-Восточного государственного университета, аспиранты из США: Г. Корозек, Д. Киллер, И. Хульс. Консультации по идентификации пепловых слоев на стоянках оказывали М.М. Певзнер, В.В. Пономарева, Т.И. Пинегина, Дж. Бурджуа, И.В. Мелекесцев. За всестороннюю поддержку нашей экспедиции благодарю администрацию Северо-Восточного государственного университета, главу Усть-Камчатского района А.И. Тихомирова, администрацию пос. Козыревский во главе с И. Н. Байдугановой и Т. С. Калининой, сотрудников Ушковского контрольно-наблюдательного пункта Д. В. Зиновьева, В.Н. Кожевникова, а также Ю.В. Кочетова, В. И. Лазо, А. Мартыненко, А. Шулайкина и др. За художественные реконструкции, выполненные по эскизам автора, рисунки каменных артефактов благодарна Д.В. Судаковой и В.В. Судаковой, за помощь в обработке фотоматериалов – Д.В. Судаковой и А. Булгару. Всем им, а также жителям Камчатки, с которыми приходилось встречаться в наших маршрутах в поселках, на трассе, реках, озерах, на бездорожье полуострова, проявлявшим большой интерес к древнейшему прошлому своего края и оказывавшим нам помощь, всем тем, кто ждал нашего возвращения из экспедиций домой, искренняя благодарность и низкий поклон. Надеемся, что обещание «понять Ушки», данное коллеге и другу М. А. Диковой в 2005 г., исполнено.

Работа состоит из введения, пяти глав, заключения, списков источников, литературы, сокращений и приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснованы актуальность и научная значимость темы, ее хронологические и территориальные рамки, сформулированы цель и задачи работы, охарактеризованы основные методологические принципы исследования.

В Главе 1 «Современное состояние археологического изучения Камчатки» анализируются история археологических исследований в XIX – начале XXI вв., и особенности изучения многослойных стоянок у Большого Ушковского озера в бассейне р. Камчатки – наиболее исследованных на полуострове, которые содержат разновременные и разнокультурные в археологическом отношении отложения и потенциально связаны с периодизацией и хронологией каменного века Камчатки, вопросами о происхождении первых американцев, о миграциях между континентами, заселении прибрежного и островного мира Северо-Восточной Азии.

Согласно статистическому анализу археологических объектов на п-ове Камчатка к началу XXI в. открыто около 900 археологических памятников, из которых изучено не более 100. Обзор их открытий и истории археологических исследований позволили выделить три этапа.

Первый этап (1850–1940-е гг.): происходило накопление археологических материалов; предпринимались попытки их осмысления. Собранные к середине XX в. материалы частично были опубликованы и обобщены. Выявлены основные типы памятников. Высказана идея о том, что полуостров был заселен в эпоху неолита, наиболее древним населением считались предки ительменов. Вопросы, связанные с ранней историей и этногенезом ительменов, как и всей группы палеоазиатских народностей, еще не были разработаны.

Второй этап (1961–1990-е гг.) связан с деятельностью научных учреждений: продолжалось накопление материалов, применялись естественнонаучные методы для датирования археологических находок, формировались первые периодизации каменного века Камчатки. В разные годы на стоянках Ушки было раскопано более 10 тыс. м², обнаружено около 100 тыс. артефактов. Выявлено 7 этапов заселения территории. За годы исследования ушковских стоянок Н. Н. Диковым был получен комплекс археологических, геологических, палеогеографических, палеоэкологических данных, которые позволили воссоздать особенности жизни населения Камчатки с начала его заселения и до этнографического времени. Н. Н. Диков выделил в позднем палеолите ушковских стоянок три культуры, различающиеся как стратиграфически, так и по морфологии основных элементов орудийного набора. Для изучения памятников использовались доступные на период исследования методы с привлечением специалистов по геоморфологии, палинологии, особый акцент делался на изучении пеплов в археологических разрезах. На материалах стоянок Ушки впервые получены доказательства того, что Камчатка была заселена в конце плейстоцена около 14 тыс. л. н. В связи с преждевременным уходом ученого из жизни остались дискуссионными вопросы, связанные с датировками и критериями периодов заселения территории, миграциями на американский континент. Приоритетными направлениями исследований в те годы являлись: поиск стоянок, связанных с первоначальным заселением Камчатки и Америки; проблема культурных влияний со стороны южных соседей – айнов; вопросы, связанные с хронологией, периодизацией, выделением критериев неолита полуострова. Была предложена периодизация неолита Камчатки.

На третьем этапе (начало XXI в.) происходит расширение информационной базы, с учетом современных технологий корректируются полученные на втором этапе схемы периодизаций каменного века Камчатки. Для большинства исследований данного периода характерен комплексный подход к изучению археологических объектов с привлечением геологов, геоморфологов, вулканологов, трасологов. Накоплен большой массив данных о сотнях вулканических извержений в голоцене, что позволило предварительно датировать археологические объекты, интерпретировать события, оказавшие влияние на экосистему полуострова и его население.

Несмотря на относительно большое количество открытых археологических объектов на Камчатке, степень их изученности

неравномерна и крайне низка. Наиболее исследованными остаются пять многослойных ушковских стоянок. Возобновление археологических исследований на стоянках Ушки сначала М. А. Диковой, а затем экспедицией СВГУ под руководством автора, позволило получить новые материалы как на стоянках Ушки, так и на северо-восточной Камчатке. Анализ археологического изучения Камчатки позволил наметить перспективные направления исследований в регионе, такие как реконструкция природных явлений, имевших место в конце плейстоцена – начале голоцена; установление взаимосвязей и характера взаимодействия событий в природе и обществе в процессе освоения полуострова человеком в каменном веке.

Глава 2 Палеогеография полуострова Камчатки в плейстоцене – голоцене посвящена определению основных закономерностей изменения природной среды в финале плейстоцена – голоцене на Камчатке. На основании полученных результатов высказано предположение, что:

1. Определяющими в формировании современного рельефа Камчатки стали *эндогенные факторы* – тектоника и вулканизм. Они сформировали крупнейшие морфоструктуры основных горных сооружений полуострова. *Экзогенные факторы* смоделировали рельеф, созданный тектоническими движениями и вулканизмом [Брайцева, Мелекесцев, Кожемяка, 1970]. Установленные основные периоды общекамчатской активизации процессов эндогенного рельефообразования: ранее 11000 л.н., 8600–8100 л.н., 7300–6100 л.н., 4700–3800 л.н., 1800–1000 л.н. [Пономарева, 2010], свидетельствуют об определенных хронологических рамках благоприятного и неблагоприятного для человека времени существования на исследуемой территории.

Из экзогенных процессов важнейшую роль сыграло древнее оледенение, которое «было развито на Камчатке вследствие обилия выпадающих здесь осадков... Ледники оказали влияние на формирование современного облика высокогорных и среднегорных хребтов, служивших центрами оледенения, и относительно низких территорий, ставшими ареной аккумуляции ледниковых и водноледниковых отложений» [Певзнер, 2015; Пономарева, 2010; Braitseva, Ponomareva, Sulerzhitsky et al., 1997 и др.].

Рельефообразование корректировали и водные потоки – омываемое морями и океаном побережье Камчатки подвергалось разрушению, периодически покрывалось льдом; происходило изменение озерных площадей; крупные реки меняли русла, появлялись и исчезали мелкие реки, которые в холодное время промерзали до дна; горные ледники, трансформирующиеся под воздействием эндогенных факторов, видоизменяли ландшафт.

2. С тектоникой, вулканизмом и оледенением были взаимосвязаны *климат и природная среда* Камчатки, неоднократно претерпевающие изменения. Выявлены особенности климата и растительности в конце верхнего плейстоцена – голоцене на Камчатке. Так, *финал плейстоцена – начало голоцена* характеризуется сухим холодным климатом, с господством

холодных тундростепей. В *раннем голоцене* происходит процесс ландшафтной перестройки, возможно, связанный с вулканической активностью. Климат – мягкий и влажный. В ландшафте преобладали болотистые тундры. В *позднем голоцене* около 5,0 тыс. лет назад теплый климат был прерван похолоданием, о чем свидетельствует уменьшение березовых лесов. Около 3,3 тыс. лет назад площади березовых лесов и кустарников существенно увеличились, что свидетельствует о потеплении. Современные пейзажи были созданы около 1,5 тыс. лет назад. Березовый и ольховый лесной покров уменьшился. В ландшафте преимущество за лугами и болотами. Отмечена неоднородность климатических зон с юга на север полуострова. Особое значение имели рефугиумы – участки территории, не занятые ледниками и морем во время трансгрессий, микроучастки у термальных источников, глубоких озер. Своеобразным резерватом животных служил берег Тихого океана.

3. Эндеогенные и экзогенные факторы определили и историю развития *фауны* Камчатки. Фауна видоизменялась после плейстоценовых оледенений и «вулканических катастроф»: исчезли мамонт, овцебык, бизон и др. Имели место нестабильность и перерывы, что, было связано с возможной непригодностью территории для обитания животных. В голоцене фактически произошло новое формирование фауны за счет сохранившихся или мигрировавших из других зоогеографических областей видов. Примечательно, что биопродуктивность морских и речных экосистем, не смотря на природные катаклизмы, не только не уменьшилась, но и продолжала увеличиваться.

4. *Сырьевые ресурсы* Камчатки достаточно разнообразны и тоже обусловлены эндогенными и экзогенными процессами, определившими наличие пород, имеющих поделочные свойства – кремни, кремнистые сланцы, кварц, обсидианы, базальты, песчаник, пиррофиллит (агальматолит), янтарь и пр. Особая роль принадлежит обсидиану, который и сегодня используется в различных областях экономики. В тоже время отмечается, что залежи железной руды, высококачественных глин на полуострове – незначительны. Обеспечивающие питьевые и теплоресурсы минеральные и теплоэнергетические воды Камчатки делают ее уникальной привлекательной для проживания, но их гидрохимические аномалии с токсичными химическими элементами ухудшают экологическую обстановку.

В главе 3 Переход от палеолита к неолиту (финальный палеолит, мезолит) анализ материалов финально-плейстоценовых и раннеголоценового слоев на стоянках Ушки и стоянке Анавгай II позволил высказать следующие предположения:

1. Период перехода от палеолита к неолиту включает ряд событий, связанных с заселением людьми Камчатки в разное время и с различными технокомплексами. Наиболее раннее заселение зафиксировано на стоянках Ушки I, IV, V (культурные горизонты VII, VI), Анавгай (культурный горизонт II) около 13300–12500 кал. л. н. Особенностью этого времени стало

наличие сменявших друг друга и различающихся по облику двух материальных культурных комплексов.

2. К первому периоду отнесены материалы стоянки Ушки I, V (культурный слой VII, ^{14}C 11330±50 до 10350±50 л.н. или 13320–12022 кал. л. н.). Для него характерны сезонные промысловые стоянки с наземными одно- и двухкамерными жилищами с открытыми, без каменной обкладки очагами; мастерские по изготовлению каменных орудий и украшений; погребения в жилищах. Для хозяйственных целей использовались отщепы и пластинчатые сколы, не подвергавшиеся вторичной обработке, а также лопаты из кости. Симметричные и асимметричные листовидные бифасы применялись при обработке дерева, кости, камня, разделке рыбы, изготовлении украшений. Маркирующими элементами данного периода принято считать бифасиальные наконечники стрел и дротиков с черешком, каменные украшения (подвески, бусины). В качестве сырья использовались, как правило, халцедон и кремь, реже – обсидиан и базальт. Известны погребения в жилищах с инвентарем; наличие в них охры и украшений свидетельствует о проведении при погребении ритуалов. Микроскопический анализ украшений выявил следы красок, вероятно, органического происхождения.

3. Свидетельства второго материального комплекса датированного по ^{14}C 10240±75–9485±275 л.н. / 12225–10131 кал. л.н., найдены на стоянках Ушки I, IV, V (культурный слой VI), Анавгай (культурный слой II). Это время достаточно больших по площади, количеству и разнообразию жилищ стационарных поселений (более 40 жилищ с населением не менее 100–150 чел.). Жилищные конструкции были трех типов: углубленные в землю (0,3–0,5 м) грибовидной формы, площадью 12–48 м², с входным коридором и одним закрытым очагом; наземные площадью 8–16 м², без входного коридора, с очагом и каменной обкладкой; наземные площадью 40–140 м² неправильно-овальной, округлой или подтрапециевидной формы, с одним или несколькими кострищами. В составе каменного инвентаря – бифасиальные наконечники стрел лавролистной или каплевидной формы, однолезвийные скребла на массивных отщепах, микроскребки, микронуклеусы и микропластины, симметричные бифасы, отщепы. Обработка камня производилась с помощью отбойников, которыми служили удлиненные овальные гальки. Маркером данного периода являются признаки применения микропластинчатой технологии – техники Юбецу. В качестве сырья использовались в основном обсидиан, кремь, базальт. К этому времени относятся первые свидетельства одомашнивания собаки и произведения искусства в виде каменных полиэйконических изображений; характерны представления о загробном мире (в захоронениях имеются погребальный инвентарь и охра) и тотемистические представления (обнаружение геоглифа в виде рыбы, вылепленной из красной охры на земляном полу), обрядовая деятельность.

4. В раннеголоценовых слоях стоянок Ушки I, II, V (культурный слой V) и стоянки Анавгай II (культурный слой I) материальные комплексы датируются временем ^{14}C 8850±40–7645±94 / 10204–8297 кал. л. н. или около ~ 9900 до 8600 кал. л. н. По сравнению с предыдущим периодом уменьшились площади стоянок. Обнаружены жилища в виде наземных шалашей-чумов с очагами без кольцевых кладок, с несколькими приочажными камнями. Каменная индустрия включает продукты первичного расщепления (призматические одно- и дву- площадочные нуклеусы снятия ножевидных пластин, отщепы, пластины) и орудийный набор (бифасиальные изделия, отщепы и пластинки с ретушью, скребки, галечные орудия и др.). Маркирующим элементом каменной индустрии этого этапа могут быть микролитическая техника изготовления орудий, а также инструментарий (в том числе – концевые скребки, морфологически не имеющие аналогов ни в предшествующие, ни в последующие периоды), выполненный на пластинах и отщепах. Сырьевая база: обсидиан, кварцит, кремль, базальт, песчаник. Находки зубов собаки предполагают ее использование в жизни человека в это время.

5. Для всех обозначенных периодов характерен присваивающий тип хозяйства, базирующийся на добыче различных видов животных, птиц, рыболовстве, собирательстве. Об этом свидетельствуют чешуя, зубы, позвонки различных видов рыбы в очагах, фрагменты костей различных животных, семена растений и скорлупа орехов.

В целом, рассмотренные материальные комплексы могут быть отнесены к переходному от палеолита к неолиту периоду. Так, два позднеплейстоценовых культурных комплекса по характеру организации поселений, каменной индустрии, типу хозяйства, признакам символического поведения являются типичными для финального палеолита Евразии. Раннеголоценовый возраст третьего периода и его материальный комплекс, в каменной индустрии которого наблюдается преимущество изделий на призматических пластинках, отсутствие керамических изделий, его сходство с мезолитическими культурами Евразии, позволяют нам определить его к эпохе мезолита.

В главе 4 Эпоха неолита анализ радиоуглеродных дат археологических памятников и материальных комплексов с применением тефрохронологического метода позволил уточнить хронологические рамки неолита полуострова Камчатка в пределах ~ 7800 л. н. – начало II тыс. н. э. и выделить ранний, средний, поздний неолит.

4.1 Ранний неолит (~ 7800–4500 л. н., средний голоцен, суббореал)

К настоящему дню на Камчатке известно около 30 датированных разными методами стоянок и местонахождений, инвентарь которых содержит признаки ранненеолитических традиций расщепления и обработки камня, изготовления керамики и плетеных изделий. Опорными памятниками считаются наиболее изученные стоянки Ушки I, II, V (культурный слой IV) и Авача I (культурный слой III). Привлечена информация о стоянках

датированных радиоуглеродным и тефрохнологическим методами, а также об отдельных артефактах, найденных на берегах рек, в предгорье и в острогах Срединного хребта [Диков, 1977; Пономаренко, 2000, 2014].

Хронологические рамки раннего неолита Камчатки могут быть представлены временем 7800–4500 кал. л. н. Стоянки распределены по полуострову относительно равномерно. По сравнению с предыдущим периодом количество обнаруженных археологических памятников увеличивается. Они найдены на всей территории Камчатки, как в континентальных районах, так и на побережье рек, озер, морей, а также в отрогах хребтов. Выявлены стоянки двух типов: с небольшим количеством округлых жилищ с одним краткосрочным периодом заселения, малым количеством каменного инвентаря, обгоревшими костями птиц и млекопитающих в очагах без обкладки и с долговременными жилищами округлой формы с деревянными конструкциями, разнообразным каменным инвентарем, расположенными вблизи крупных водоемов – рек и озер. Зафиксированы захоронения, площадки-мастерские и хозяйственные ямы.

В основе каменной индустрии периода – техника первичного расщепления, базирующаяся на редукции конического и призматического нуклеусов. Доминирующий продукт расщепления – малые и средние пластины, из которых изготавливались наконечники метательных орудий, ножи, резцы, скребки. Бифасиальные орудия представлены листовидными ножами, наконечниками стрел с ромбическим и треугольным сечением. Сочетание пластинчатых и бифасиальных технологий может быть маркером техники изготовления каменных орудий для этой эпохи на полуострове. Рубящие орудия (тесла, топоры с обушком-перехватом) отличаются разнообразием размеров, форм и способов оформления. Изделия с полностью шлифованной поверхностью (топоры, тесла) свидетельствуют о развитой технике шлифовки. В качестве сырья для изготовления каменных орудий использовались обсидиан, кремль, базальт, песчаник, кварцит, яшма.

Наличие в культурных слоях органических остатков (кости животных, орехи кедрового стланика), а также состав археологического инвентаря и особенности размещения стоянок на берегах водоемов свидетельствует о стратегии жизнеобеспечения общества, направленной на развитие охоты, рыболовства и собирательства.

Признаками раннего неолита Камчатки также можно считать наличие керамической посуды (стоянка Ушки V, культурный слой IV) и технику плетения (стоянки Авача VII и Храпунское I).

В сфере духовной культуры выявлены признаки обрядовой деятельности (погребение на стоянке Ушки I) и искусства (мелкая пластика на стоянке Ушки V).

4.2 Средний неолит (~ 4000 – 1500 л. н., поздний голоцен, субатлантик)

К 2022 г. на Камчатке известно около 46 изученных в разной степени археологических памятников, которые могут быть отнесены к периоду

среднего неолита. Из них наиболее исследованы стоянки Ушки II (слой II), Ушки III, Жупаново (слой III), Большой Камень I, Авача и др.

Хронологические рамки среднего неолита Камчатки ограничены временем около 4000–1500 кал. л. н. В это время увеличивается количество археологических объектов по сравнению с предыдущим периодом. Стоянки обнаружены в основном на высоких водно-ледниковых террасах высотой от 4 до 30 м на берегах крупных рек и озер, морском побережье восточной части полуострова. Они становятся более разнообразными и сложными: выявлены стоянки с наземными постройками и полуподземными жилищами, мастерскими по изготовлению каменных орудий. Наземные (свайные) постройки площадью до 50 м², полуподземные жилища округлой и квадратной форм площадью до 100 м². Характерны шатровые конструкции с прямоугольной рамой по центру в крыше, поддерживаемой отдельными столбами, деревянные стены и крыши, очаги внутри с обкладкой и без нее. Для облицовки стен и крыш использовалась береста. Возле жилищ фиксируются специальные укрепления в виде искусственных канав (стоянка Ушки II) и валы из камней и земли (стоянка Авача). Следы пожаров характерны в основном для расположенных в континентальных районах объектов.

Состав каменной индустрии археологических памятников эпохи среднего неолита: нуклеусы (аморфные и призматические снятия отщепов и ножевидных пластин) и продукты первичного расщепления (ножевидные пластины разных размеров без ретуши, с краевой ретушью и с обеих сторон). Орудийный набор представлен наконечниками стрел (преимущественно ретушированными трехгранными каменными без черешка и с черешком, листовидными, в том числе миниатюрными); ножами (узко- и широко-клиновыми с выделенной рукоятью, листовидными овальными); теслами (грубо оббитыми и шлифованными острообушковыми разных размеров с подтреугольным и овальным сечением); скребками (концевыми разнообразных геометрических форм); калибраторами древков стрел. Обращает внимание, что многочисленными находками в это времени являются тесла. Сырьем для каменных орудий в основном являлись обсидиан, халцедон белого цвета, сланец, кремль, базальт. Из кости и рога изготавливали зубчатые наконечники гарпунов, лопаты, клинья, проколки, игольники, орудия для обработки стеблей травы и пр. Из разнообразных материалов изготавливались предметы, связанные с обрядовой деятельностью и искусством – лабретки, мелкая пластика, украшения.

4.3 Поздний неолит (I – начало II тыс. н. э., поздний голоцен, субатлантик)

К настоящему времени на Камчатке известно около 20 памятников, датированных радиоуглеродным и тефрохронологическим методами, которые возможно отнести к периоду позднего неолита. Это стоянки у озера Кулгук, Ушки I и II (слой II), Крутоберегово (т. 118/08), Галган, Анадырка, Андриановка (слой II), Жупаново (слой II) и др.

Анализ радиоуглеродных дат и применение тефрохронологического метода к особенностям материальных комплексов археологических памятников уточнил хронологические рамки эпохи позднего неолита полуострова Камчатка в пределах ^{14}C угля 1880 ± 60 л. н. (МАГ-309) – 1000 ± 20 л. н. (ИВАН-171) или I – начало II тысячелетия н.э.

Археологические объекты расположены на одних и тех же местах, что и в эпоху среднего неолита – в основном в непосредственной близости от нерестовых рек, озер, моря, океана. Они разнообразны: состоят из скоплений жилищных котлованов – от двух-трех до двадцати и более, наземных балаганов. Для жилищных котлованов характерны большие глубины – до 2–3 м, округлая и квадратная форма размером 10×15 м. Отмечается соединение больших котлованов с небольшими западинами, служившими, возможно, коридором-выходом или помещением для хранения инвентаря.

Скопления заготовок и продуктов расщепления около наковален фиксируются на стоянках. Продолжают использоваться каменные трехгранные и пластинчатые черешковые наконечники стрел, боковые резцы, ножевидные пластины, двусторонне ретушированные вкладыши, листовидные ножи-бифасы, шлифованные тесла, скребки с выпуклым лезвием, проколки, лампы (жирники), грузила. Сырьем для их изготовления служили халцедон, кремль, обсидиан, сланец и др. Из органических материалов изготавливали поворотные гарпуны, удочки, поплавки, сети, сачки.

Обращают внимание находки растрескавшихся галек в жилищах, берестяной и деревянной посуды, округлых чашевидных устланных берестой четырехслойных ям за пределами жилищ, фрагментов нарт, ступательных лыж, антропоморфных и зооморфных фигурок, макета лодки с фигурками из дерева. В большом количестве обнаружены эоартефакты – останки сухопутных и морских животных, птиц, моллюсков, а также собак.

В целом, полученная периодизация позволила выявить в заселении полуострова периоды возможных перерывов: между ранним и средним неолитом – около 500 лет, а также между средним и поздним в пределах 1,5 тысячи лет. По сравнению с предыдущим периодом в неолите количество стоянок стабильно увеличивалось, что, возможно, связано с ростом населения. Ранненеолитические стоянки найдены в основном в континентальной части полуострова, в то время как в среднем и позднем неолите фиксируется тенденция к их перемещению на восточное побережье Камчатки. При этом, следы пожаров зафиксированы практически на всех стоянках исследуемого периода. Происходят изменения и в домостроительстве: жилищные постройки становятся более сложными, разнообразными и комплексными. Например, сочетание на одном объекте наземных (свайных) построек для хранения хозяйственного инвентаря, плавательных средств, запасов продовольствия, зимней одежды и полуподземных жилищ непосредственно для проживания. Здесь же находились мастерские по изготовлению каменных орудий. Сырьевая база

практически не изменялась (обсидиан, кремль, базальт, песчаник, кварцит, яшма) за исключением преимущества использования халцедона для изготовления орудий на стоянках, приуроченных к морскому побережью.

Важнейшей инновацией неолита Камчатки является керамика, которая появившись в ранний период, полностью исчезает в последующее время. Другим – не менее важным признаком неолита исследуемой территории могут быть плетеные из травы изделия, которые зафиксированы в культурных слоях археологических объектов всех периодов. Кроме того, с раннего неолита и далее частыми находками становятся предметы мелкой пластики. При этом, по нашим наблюдениям, в раннем неолите преимущество за зооморфными изделиями (рыбки), в среднем и позднем – сочетание зооморфной темы с антропоморфной (рыбки, медведи, люди).

Для всего неолита характерна присваивающая экономика, которая в раннем неолите базируется в основном на речном рыболовстве, сухопутной охоте и собирательстве. В среднем неолите при сохранении традиционных видов деятельности население переходит к морскому промыслу, который становится одним из основных в позднем неолите.

На данном этапе исследований предложенная модель неолита Камчатки может быть взята за основу. В будущем при расширении площадей раскопок и накоплении новой информации представленные хронология и критерии могут быть уточнены.

В Главе 5 История населения Камчатки в каменном веке предложена концептуальная модель истории исследуемой территории.

5.1 Материальная и духовная культура населения Камчатки

Анализ материальной и духовной культуры населения Камчатки на основе полученных данных при изучении археологических объектов изучаемого региона позволил выделить особенности образа жизни, хозяйства и духовной культуры населения:

1. Первоначальное – позднее по сравнению с сопредельными регионами заселение человеком Камчатки было связано с особенностями позднеплейстоценового периода эндогенного рельефообразования полуострова и вулканической активности, продолжавшегося до 20 тысяч лет назад. И в дальнейшем, при активизации вулканических процессов человек покидал обжитые места.

2. Последствия извержений вулканов в неолите были причиной уменьшения и перемещения населения на менее пострадавшие территории северных, восточных и южных побережий и далее за пределы полуострова, например, на Курильские острова или Чукотку. В тоже время, расположение разновременных стоянок на одних и тех же местах свидетельствует, что эти территории оставались стабильно привлекательными для повторного заселения – как только растительность и фауна восстанавливались, человек приходил сюда снова.

3. Для населения каждого периода каменного века Камчатки были характерны свои особенности. В эпоху перехода от палеолита к неолиту, в

начале неолита имели место миграционные процессы, когда четыре разные группы охотников и рыболовов финального палеолита, мезолита и раннего неолита последовательно сменили друг друга. Об этом свидетельствуют различия в домостроительстве, орудийном комплексе, обрядовой деятельности. В среднем и позднем неолите в условиях возросшей численности населения и постоянных изменений окружающей среды сформировался новый уклад жизни людей, связанный с развитием высокоспециализированной комплексной присваивающей экономики. На базе данной формы хозяйства и традиций полуоседлой и оседлой жизни и сформировалась Тарьинская археологическая культура, на основе которой позднее сложился этнос «ительмены» [Диков, 1979; Понкратова, 2020]. Прослеживается тенденция использования населением одних и тех же мест при повторном заселении территории, а также преемственность традиций в домостроительстве, хозяйстве, верованиях, характерных для населения Тарьинской культуры среднего неолита. Несмотря на экологическую катастрофу, вызванную последствиями извержения вулкана Ксудач (КС¹) около 1750 лет назад, населению с высокоспециализированной комплексной присваивающей экономикой удалось сохранить свою целостность.

4. Важную роль в хозяйстве населения Камчатки, как минимум с 9 тыс. л. н. (а возможно и ранее – около 12 тыс. л. н. [Диков, 1977; 1979; 1993]) играла собака. Упряжки собак, вероятно, были едва ли не единственным средством передвижения по полуострову: собаки перевозили людей и грузы в легких санях по льду рек и побережью морей, по берегу тащили лодки по воде. Учитывая ледовую обстановку в регионе, можно предположить, что и продвижение человека на север и северо-восток могло происходить при помощи собачьих упряжек. Это вполне возможно в зимне-весеннее время вдоль морского побережья по льду на север и восток – на американский континент и к близко расположенным от Камчатки и друг от друга Алеутским островам [Понкратова, 2021; Ponkratova, 2021, 2022].

5. Основными видами деятельности населения на протяжении всего каменного века были охота, рыболовство и собирательство. Такой присваивающий характер хозяйства населения Камчатки был напрямую связан с природно-климатическими условиями, не позволяющими заниматься земледелием и скотоводством. Считается, что только в XVII в. русские впервые завезли на Камчатку лошадей и крупный рогатый скот, научили ительменов огородничеству. Тогда же на Камчатку из Японии, Китая, России стали поступать огнестрельное оружие, ткани, фарфор. И местное население весьма охотно начали вступать в теснейшие контакты с русскими, частыми стали смешанные браки [История и культура ительменов, 1990].

5.2. Каменный век Камчатки и сопредельных территорий: общее и особенное

Сопоставление основных близких хронологических этапов каменного века Камчатки и на сопредельных с ней территориях позволило предположить:

1. Практически для всех территорий (кроме Камчатки, островов Сахалина, Японского архипелага) были характерны последовательная смена этапов, а иногда и сосуществование культур с конца плейстоцена до позднего голоцена.

2. Учитывая перерывы в заселении Камчатки, Сахалина, и, вероятно северных окраин Якутии, Японского архипелага можно предположить, что островной мир Дальнего Востока в конце плейстоцена – раннем голоцене заселялся разными группами населения периодически, что обусловлено особенностями рельефообразования, вулканической активностью, климатическими условиями этих территорий [Макеев, Питулько, Каспаров, 1992; Рудая, Василевский, Грищенко и др., 2013; Табарев, Иванова, 2017]. Человек, неприспособленный к последствиям катастрофических изменений, вызванных этими процессами, не мог выживать на этих территориях и покидал их, или погибал. В среднем и позднем голоцене, имея более прогрессивные навыки в домостроительстве, усовершенствованные орудия он смог закрепиться на этих территориях, корректируя свое местоположение в более защищенных от последствий катастроф и обеспечивающих его пищевыми ресурсами местах.

3. Сопоставительный анализ материалов из археологических комплексов первой группы населения на Камчатке и сопредельных территорий позволяет предположить ее связь с населением американского континента в результате миграционного процесса (реверсивная миграция (?)), связанного с определенным местом, куда сезонно приходили (приплывали?) люди для добычи рыбы и совершения обрядов. Особенностью стало выявление пигментов на орудиях, бусинах и подвесках, свидетельствующих об использовании специальных органических красителей на стоянке Ушки [Понкротова, Губар, Волков и др., 2020]. Традиции крашения одежды, плетеных и других изделий известны в последующем у ительменов на Камчатке [История ительменов, 1990] и у индейцев северо-западной Америки [Индейцы Калифорнии, 2018].

Обнаруженные на стоянках от Японии и Камчатки до западной части Северной Америки и большей части Южной Америки в пределах обширного региона Северной Пацифики разрозненные позднеплейстоценовые технологические комплексы, включающие черешковые наконечники свидетельствуют о миграции групп населения около 16000±1000 л.н. Возможно, что одна из них передвигалась по побережью Тихого океана и связана с заселением Америки [Erlandson, Braje, 2011]. Не исключено, что поиски ответа о передвижениях населения в позднем плейстоцене надо искать не только в зоне Берингии, которую традиционно считают

«коридором» при заселении Америки человеком, но и на всей территории Северной Пацифики.

4. Вторая группа населения пришла на Камчатку около 12,0–10,1 тыс. л. н., вероятно, с территорий Дальнего Востока, Японии, Кореи, Китая, где произошло первоначальное появление микропластинчатой индустрии [Табарев, 2004; Gómez Coutouly, 2018].

5. Согласно современному состоянию изученности археологических памятников раннего голоцена, сегодня известно более 100 таких объектов в западных и более северных сопредельных с Камчаткой регионах – Якутии, Сибири, Забайкалье [История Якутии, 2020; Кирьяк (Дикова), 2005; Мезолит Верхнего Приангарья, 1971, 1980; Указатель археологических памятников, 1991 и др.]. На территориях, расположенных к югу от Камчатки (Японский архипелаг, Южный Китай, Сахалин, Приморье), правомерность выделения мезолита, как специфического и самостоятельного этапа каменного века вызывает сомнения у исследователей. В материалах позднеплейстоценовых памятников этих территорий есть свидетельства раннего начала неолитизации в виде появления керамических и шлифованных изделий, перехода к оседлому образу жизни, зарождения производящих форм хозяйства [Василевский, 2008; Кузьмин, 2013; Яншина, 2008, 2014]. Тем не менее, европейская археологическая традиция традиционно определяет культуры раннего голоцена как мезолитические и происходящие изменения в этот период объясняются адаптацией к новым климатическим условиям, приведшим к культурной деградации и изменениям в эксплуатации пищевых ресурсов [Binford, 1968].

6. В эпоху среднего и позднего неолита население Камчатки контактировало с населением северо-западных территорий американского континента, Чукотки, островов Сахалина, Японского архипелага, Курил. Сходство экологических условий, определяемых спецификой островного и полуостровного положения этих близких к Камчатке регионов части Тихого океана, вероятно, способствовали появлению общих черт в стратегии жизнеобеспечения населения (домостроительство, приготовление пищи при помощи раскаленных камней, плетение и использование из травы различных изделий, искусство в виде антропоморфных и зооморфных скульптур, украшения из клюва птиц и др.).

В целом, стоит признать, что миграционные процессы, имевшие место на территории Евразии, в том числе и на Камчатке, на рубеже плейстоцена и в голоцене, происходили отнюдь не одномоментно. Их темп и направления в разные хронологические периоды были различны, так же как был различен и состав мигрирующего населения. Подобные передвижения населения могли проходить здесь в виде миграции всей общины (рода) или определенного сегмента общества [Клейн, 1973]. Безусловно, немаловажную роль в данных процессах сыграли и древнейшие жители полуострова Камчатка.

В **Заключении** отмечается, что основным методическим итогом исследования явилось применение единой аналитической схемы к изучению

археологических памятников Камчатки. Этот подход позволил выделить общие и особенные признаки для каждого из этапов заселения полуострова, имеющего большую и сложную геологическую историю, на всей своей протяженности обусловленную эндогенным формированием рельефа и вулканической активностью. Получены возможности для сопоставления на единой методической основе материалов разных памятников обширной территории. Стал доступен сравнительный анализ этапов каменного века Камчатки и других сопредельных регионов, древнейший период которых исследован и систематизирован ранее по тем же методическим схемам, которых старался придерживаться и автор диссертации [Понкратова, 2000].

Проведенное исследование позволило понять, почему Камчатка была заселена человеком позднее, чем восточные и южные сопредельные территории – всего около 13,3 тыс. л. н. Использование данных анализа палеографической ситуации показало, что это напрямую было связано с особенностями эндогенного рельефообразования Камчатки: тектоника и вулканизм создавали крупнейшие морфоструктуры основных горных сооружений полуострова всего около 50–60 тыс. л. н. На время 20–30 тыс. л. н. пришелся ряд катастрофических «суперизвержений 3-го класса» Курило-Камчатской области, которые делали территорию непригодной для проживания здесь человека.

Предложенная автором новая хронологическая схема периодизации каменного века Камчатки в конце плейстоцена – голоцене включает: переходный от палеолита к неолиту период: финальный палеолит (~13,3–12,5 тыс. л. н.; 12,0–10,1 тыс. л. н.), мезолит (~ 9,9–8,6 тыс. л. н.), неолит: ранний (~ 7,8–4,5 тыс. л. н.), средний (~ 4–1,5 тыс. л. н.), поздний (~I – начало II тыс. н. э.). Для каждого периода определены общие и особенные признаки (рис. 1), а также соотношение между ними и с хронологически и территориально близкими археологическими культурами и памятниками.

Представленная тефрохронологическая шкала каменного века Камчатки наглядно демонстрирует перерывы около 500–1000 лет в заселении полуострова (рис. 2). Сопоставление периодов активизации процессов эндогенного рельефообразования, вулканической активности и этапов заселения Камчатки, выявило взаимосвязь между ними – динамика и миграции населения на полуострове зависели от последствий природных катаклизмов. Вероятно, эти процессы обусловили и смену населения, что подтверждается изменениями в домостроительстве, изготовлении инвентаря, особенностях обрядовой деятельности и самоидентификации человека на разных этапах заселения полуострова. Постоянными оставались в основном образ жизни населения и присваивающее хозяйство, что также было связано с природно-географическим фактором – суровый климат, землетрясения, цунами, пожары, мощные осадки вулканических пеплов создавали угрозу для жизни населения и неуверенность в завтрашнем дне. Это и обусловило консервативность, стабильность материальной и духовной культуры населения Камчатки, где на протяжении веков технико-технологический

уровень и традиции оставались практически неизменными. На континентальных восточных и южных территориях – с более благоприятными природными условиями история человека была более динамичной.

Полученные новые данные о первоначальном заселении Камчатки позволяют дополнить представления связанные с заселением американского континента около 13 тыс. л. н. Хронологическая близость и морфологическое сходство материальных комплексов археологических памятников двух территориально близких регионов предполагают реверсивные миграции. В этой связи актуальна предложенная гипотеза, связанная с передвижением человека на собачьих упряжках по речному и морскому льду, как по полуострову, так и за его пределы – на американский континент, Алеутские острова, Якутию и другие территории и обратно. Такую возможность подтверждают наличие останков собак, фрагментов упряжи, сопровождающего инвентаря в позднеплейстоценовых и голоценовых отложениях на археологических стоянках на Камчатке, в Якутии, в северной Америке, а также этнографические описания и современные наблюдения в исследуемом регионе.

Выявление искусственных пигментов на орудиях, бусинах и подвесках в материалах стоянки Ушки V позволили предположить использование специальных органических красителей населением Камчатки уже около 13 тыс. л. н. Сопоставление с данными этнографии двух близких регионов – Камчатки и Америки сделали возможным провести временные и территориальные параллели и обнаружить сходство.

Анализ каменной индустрии второго периода заселения полуострова около 12–11 тыс. л. н. демонстрирует близость материалов с более ранними комплексами Якутии, Забайкалья, Приамурья, Японии, что возможно, обусловлено их генетическим единством. В тоже время аналоги этим данным есть в более поздних культурах и памятниках Чукотки и американского континента. Такое территориальное и хронологическое распределение позволяет считать, что население Камчатки в это время являлось частью обширной восточно-азиатско-американской культурной общности.

Выделение периода мезолита на Камчатке стало возможным, благодаря нахождению материальных свидетельств в датируемом около 9 тыс. л. н. раннеголоценовом горизонте многослойных стоянок Ушки. Артефакты обнаружены между маркирующим техникой изготовления каменных орудий методом Юбецу финально-палеолитическим слоем (12,0–10,1 тыс. л. н.) и слоем, в котором найдены фрагменты керамического сосуда, наконечники стрел, орудия на пластинах, характерные для эпохи раннего неолита (~ 7,8–4,5 тыс. л. н.). Извлеченные из культурного слоя V стоянок Ушки артефакты находят аналогии не только в мезолите Азии, но и Европы, что позволяет говорить о мобильности – способности к быстрому передвижению населения в то время. Не противоречат этому и полученные генетические данные с близкой Камчатке по хронологии и материалам – Жоховской стоянки, где на

основе молекулярно-генетических реконструкций у жохоцев выявлен европейский след [Федорова, 2017].

Около 7–4,5 тыс. л. н. в эпоху раннего неолита население Камчатки заметно увеличилось. Материалы свидетельствуют о его схожести с данными этого периода на сопредельных территориях запада и юга Дальнего Востока (средний и нижний Амур, Сахалин, Курильские острова), мезолитическими и раннеолитическими культурами Якутии, на Чукотке – от раннего неолита до палеометалла. Эти факты подтверждают, что Камчатка стала территорией, которую попытался освоить человек в эпоху неолита со свойственными ей кардинальными изменениями в укладе жизни. Впервые в неолите Камчатки обнаружены датированные около 6,6–4,5 тыс. л. н. фрагменты керамического сосуда, используемого для хранения продуктов или приготовления пищи путем квашения. Появившись в раннем неолите, керамическая посуда была полностью вытеснена более легкими в изготовлении и эксплуатации емкостями из дерева, травы, камня. Это напрямую было связано с особенностями хозяйства и повседневной жизни населения Камчатки. В суровых условиях севера и активного вулканизма керамическое производство было слишком трудоемким и «энергозатратным», а его продукция недолговечной.

Ярким явлением в неолите Камчатки является техника плетения – из травы изготавливали циновки, посуду, возможно, рыболовные сети. Обычай плетения посуды, одежды, предметов утвари известны и на американском континенте; они имеют глубокие корни и прослеживаются вплоть до современности. Эта традиция также сближает народы исследуемой территории и северо-западного побережья Америки.

Данные о среднем и позднем неолите Тарьинской культуры показывают стабильность населения, начиная с 4 тыс. л. н., вероятно, вследствие относительного покоя тектонической и вулканической активности на полуострове. В это время формируется новый уклад жизни связанный с развитием высокоспециализированной комплексной присваивающей экономики, с более надежными укрытиями и специализированными орудиями, постоянными связями с соседями на юге и востоке; складывается этнос «ительмены» со своими уникальными самобытными чертами.

Итоги изучения древнейшей истории Камчатки позволяют увидеть адаптивный характер всей сферы материальной и духовной культуры, как результат приспособления населения и его достижений к особым условиям территории. Полученные результаты позволили наметить новые перспективные направления научного исследования, связанные с полевыми и теоретическими изысканиями.

Основное содержание диссертационной работы изложено в 57 публикациях, в том числе в соавторстве, общим объёмом 38,55 п. л. (общий авторский вклад – 29,08 п. л.).

Публикации в журналах, рекомендованных ВАК Минобрнауки России (ВАК, Scopus, WOS)

1. **Понкратова И. Ю.** Археологические исследования на п-ове Камчатка (XIX – начало XXI в.) // Гуманитарные науки в Сибири, 2018. – Т. 25. – № 2. – С. 49–55 (1 п. л.; авторский вклад 1 п. л.).
2. **Понкратова И. Ю.** История исследований ушковских стоянок (Усть-Камчатский район, п-ов Камчатка) // Вестник Омского университета. Серия Исторические науки, 2018. – № 3 (19). – С. 110–119 (1 п. л.; авторский вклад 1 п. л.).
3. **Понкратова И. Ю.** Тефрохронологический метод исследования стоянки Ушки V на Камчатке // Гуманитарные науки в Сибири, 2019. – Т. 26. – № 2. – С. 17–23 (1 п. л.; авторский вклад 1 п. л.).
4. **Понкратова И. Ю.** Начальный неолит полуострова Камчатка (по данным исследования стоянки Ушки V) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, 2019. – № 2. – С. 13–20 (1 п. л.; авторский вклад 1 п. л.).
5. **Понкратова И. Ю.** К вопросу о периодизации археологии полуострова Камчатка // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, 2020. – № 1. – С. 30–48 (1 п. л.; авторский вклад 1 п. л.).
6. **Ponkratova I.** Stages of settlement of the territory near the Big Ushkovsky Lake in Kamchatka at the end of the Pleistocene – Holocene // *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 2020. – Т. 48. – № 1. – Pp. 41–51 (1 п. л.; авторский вклад 1 п. л.).
7. **Понкратова И. Ю.** Ранний неолит полуострова Камчатка // Гуманитарные науки в Сибири, 2020. – № 1. – С. 15–22 (1 п. л.; авторский вклад 1 п. л.).
8. **Понкратова И. Ю.** Средний неолит полуострова Камчатка // Вестник НГУ. Серия История, филология, 2020. – Т. 19. – № 5: Археология и этнография. – С. 86–102 (1 п. л.; авторский вклад 1 п. л.).
9. **Понкратова И. Ю.** Поздний неолит полуострова Камчатка // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, 2021. – № 2. – С. 38–50 (1 п. л.; авторский вклад 1 п. л.).
10. **Понкратова И. Ю.** Каменный век Камчатки и Якутии: общее и особенное // Северо-Восточный гуманитарный Вестник, 2021. – № 3. – С. 9–19 (0,5 п. л.; авторский вклад 0,5 п. л.).
11. **Понкратова И. Ю.,** Губар Ю. С., Волков П. В., Лбова Л. В. Окрашенные артефакты стоянки Ушки V (полуостров Камчатка) // Краткие сообщения Института археологии, 2020. – Вып. 261. – С. 50–66 (1 п. л.; авторский вклад 0,25 п. л.).
12. **Ponkratova I. Yu.,** Chlachula J., Clausen I. Chronology and environmental context of the early prehistoric peopling of Kamchatka, the Russian North Far East

// *Quaternary Science Reviews*, 2021. – № 252 (106702) (1 п. л.; авторский вклад 0,5 п. л.).

13. **Ponkratova I. Yu.**, Chlachula J., Clausen I. Reply to comments on «Chronology and environmental context of the early prehistoric peopling of Kamchatka, the Russian North Far East (Ponkratova, I. Yu., Chlachula, J., Clausen. I, *Quaternary Science Reviews* 252 (2021), by Yaroslav V. Kuzmin» // *Quaternary Science Reviews*, 2021. – Vol. 266, 15 August 2021, 107049 (0,5 п. л.; авторский вклад 0,25 п. л.).

14. Gómez Coutouly Y.A., **Ponkratova I. Yu.** The Late Pleistocene Microblade Component of Ushki Lake (Kamchatka, Russian Far East) // *PaleoAmerica*, 2016. – Vol. 2. – Pp. 303–331 (1 п. л.; авторский вклад 0,25 п. л.).

15. Hulse E. L., Keeler D. M., Zubrow E. B. W., Korosec G.J., **Ponkratova I.**, Curtis C. A Preliminary Report on Archaeological Fieldwork in the Kamchatka Region of Russia // *Sibirica: International Journal of Siberian Studies* // Spring, 2011. – Vol. 10. – Issue 1. – Pp. 48–74 (1,5 п. л.; авторский вклад 0,3 п. л.).

16. Pendea I. F., Harmsen H., Keeler D., Zubrow E.B., Korosec G., Ruhl E., **Ponkratova I.**, Hulse E. Prehistoric human responses to volcanic tephra fall events in the Ust-Kamchatsk region, Kamchatka Peninsula (Kamchatsky Krai, Russian Federation) during the middle to late Holocene (6000–500 cal BP) // *Quaternary International*, 2016. – Vol. 394. – Pp. 51–68 (2 п. л.; авторский вклад 0,5 п. л.).

17. Pendea I. F., Ponomareva V., Bourgeois J., Zubrow E.B., Portnyagin M., **Ponkratova I.**, Harmsen H., Korosec G. Late Glacial to Holocene paleoenvironmental change on the northwestern Pacific seaboard, Kamchatka Peninsula (Russia) // *Quaternary Science Reviews*, 2017. – № 157. – Pp. 14–28 (3 п. л.; авторский вклад 0,5 п. л.).

18. Лбова Л.В., Ростяженко Т.Е., Панкина А.И., Губар Ю.С., **Понкратова И.Ю.**, Волков П.В., Казаков В.В. Мобильное искусство Сибири и Дальнего Востока. – Свидетельство о регистрации базы данных от 14.04.2021. Заявка № 2021620617 от 08.04.2021.

Публикации в научных журналах, сборниках научных трудов, монографии

19. **Ponkratova I.** Pottery Industries in the North of the Russian Far East // *Archaeology in Northeast Asia*. – University of Oregon Anthropological Papers. Eugene, Oregon, 2005. – Pp. 129–158 (1,5 п. л.; авторский вклад 1,5 п. л.).

20. **Понкратова И. Ю.** Стоянка Ушки V (Камчатка): исследования последних лет, проблемы и перспективы // *Колымский гуманитарный альманах*, 2007. – Вып. 2. – С. 13–20 (0,5 п. л.; авторский вклад 0,5 п. л.).

21. **Понкратова И. Ю.** Раскопки стоянки Ушки-5 (п-ов Камчатка) // *Археологические открытия*. – М.: Наука, 2009. – С. 640 (0,1 п. л.; авторский вклад 0,1 п. л.).

22. **Ponkratova I.** The pottery of the Far North-East of Russia and Maritime adaptation // *North Pacific prehistory*, 2009. – Vol. 3. – P. 167–188 (0,5 п. л.; авторский вклад 0,5 п. л.).

23. Пономаренко А. К., **Понкротова И. Ю.** Керамика Северной Камчатки // Колымский гуманитарный альманах, 2009. – Вып. 4. – С. 3–13 (0,5 п. л.; авторский вклад 0,4 п. л.).
24. **Понкротова И. Ю.**, Федорченко А.Ю. Каменный инвентарь VII слоя палеолитических Ушковских стоянок // Вестник Северо-восточного государственного университета. 12: спецвыпуск. – Магадан: Изд-во СВГУ, 2010. – С. 159–161 (0,3 п. л.; авторский вклад 0,2 п. л.).
25. **Понкротова И. Ю.** Традиционная посуда древнего населения п-ова Камчатка: условия формирования и развития // Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. научн. тр. в 2 т. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2013. – Т. 1. – С. 233–238 (0,5 п. л.; авторский вклад 0,5 п. л.).
26. **Понкротова И. Ю.** Коновалова А.А. Музыкальные инструменты народов Камчатки // Вестник Северо-Восточного государственного университета, 2015. – № 24. – Магадан: Изд-во СВГУ. – С. 20–31 (0,8 п. л.; авторский вклад 0,4 п. л.).
27. **Понкротова И. Ю.** Отражение времени. Традиционная посуда древнего населения полуострова Камчатки // Словесница Искусств, 2016. – № 2 (38). – С. 65–69 (0,5 п. л.; авторский вклад 0,5 п. л.).
28. **Понкротова И. Ю.** Ранний неолит Камчатки (по результатам исследования стоянки Ушки-V, Усть-Камчатский район, п-ов Камчатка // Археология CIRCUM-PACIFIC: Памяти Игоря Яковлевича Шевкомуда: сб. ст. Владивосток: Тихоокеанское издательство «Рубеж», 2017. – С. 143–162 (1 п. л.; авторский вклад 1 п. л.).
29. **Понкротова И. Ю.** Маргарита Александровна Дикова: к 80-летию со дня рождения: библиографический указатель. – Магадан: СВГУ, 2017. – 100 с. (3 п. л.; авторский вклад 3 п. л.).
30. **Понкротова И. Ю.** Археологические исследования на северо-восточном побережье полуострова Камчатки в 2009–2011 годах // Восток Азии: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия региона. К 15-летию Центра по сохранению историко-культурного наследия Амурской области. – СПб.: ООО «Издательство «Росток», 2018. – С. 229–236 (1 п. л.; авторский вклад 1 п. л.).
31. **Понкротова И. Ю.**, Лбова Л. В., Губар Ю. С. Спектральный анализ окрашенных артефактов слоя VII стоянки Ушки V (полуостров Камчатка) // Universum Humanitarium, 2019. – № 1. – С. 56–71 (1 п. л.; авторский вклад 0,35 п. л.).
32. **Понкротова И. Ю.** Изображения археологических коллекций памятников полуострова Камчатка в информационной системе «Древнейшее искусство Сибири и Дальнего Востока // Вестник Северо-Восточного государственного университета. – Магадан: Изд-во СВГУ, 2020. – Вып. 34. – С. 6–16 (0,5 п. л.; авторский вклад 0,5 п. л.).
33. **Понкротова И. Ю.** Хронометрия отложений многослойной стоянки Ушки V (полуостров Камчатка) // Первобытная археология. Журнал

междисциплинарных исследований, 2021. – № 2. – С. 92–107 (0,5 п. л.; авторский вклад 0,5 п. л.).

34. **Ponkratova I. Yu.** Margarita Aleksandrovna Dikova. Outstanding Archaeologist of Chukotka A Biographical Sketch. Translation by Richard L. Bland (на англ.). National Park Service Shared Beringian Heritage. Program United States Department of the Interior through the Government Printing Office, 2021(3 п. л.; авторский вклад 3 п. л.).

35. Anderson Sh., **Ponkratova I. Yu.**, Zhushchikhovskaya I. Studying Long-term Patterns of Bering Strait Cultural Interaction and Exchange Through Archaeological Ceramic Analysis // Alaska Park Science. – Vol. 20. – Issue 2. – December 2021. – Pp. 26–34 (0,5 п. л.; авторский вклад 0,25 п. л.).

Материалы конференций и тезисы докладов

36. **Понкратова И. Ю.**, Федорченко А.Ю. Бусы и подвески стоянки Ушки-5 (п-ов Камчатка) // Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкций: материалы XLVIII РАЭСК (Барнаул, 21–24 апреля 2008 г.). – Барнаул: Азбука, 2008. – С. 77–78 (0,2 п. л.; авторский вклад 0,1 п. л.).

37. **Понкратова И. Ю.**, Нурова Н. И. Традиционная посуда населения Камчатки // Евразийское культурное пространство. Археология, этнография, антропология: материалы докладов V(L) Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов, молодых ученых. Иркутск: Изд-во Отгиск, 2010. – С. 551–552 (0,2 п. л.; авторский вклад 0,1 п. л.).

38. **Понкратова И. Ю.**, Дубов А.Д. Археологические исследования в Усть-Камчатском районе (п-ов Камчатка) // Археология, этнография, палеоэкология Северной Евразии: проблемы, поиск, открытия. – Красноярск: Изд-во КГПУ, 2011. – С. 23–24(0,2 п. л.; авторский вклад 0,1 п. л.).

39. **Понкратова И. Ю.** Стоянка Ушки-5 (п-ов Камчатка) – историческое наследие Севера Дальнего Востока России // На перекрестке Севера и Востока (методологии и практики регионального развития): материалы Международной научно-практической конференции (30 ноября – 01 декабря 2016 г., г. Магадан). – Красноярск: Науч. инновацион. центр, 2017. – С. 214–216 (0,15 п. л.; авторский вклад 0,15 п. л.).

40. Конь У.С., **Понкратова И. Ю.** Н.Н. Диков в истории Севера Дальнего Востока России // Сибирская археология и этнография: вклад молодых исследователей: материалы LVI Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых учёных. – Чита: ЗабГУ, 2016. – С. 20–23 (0,34 п. л.; авторский вклад 0,17 п. л.).

41. **Понкратова И. Ю.** Критерии раннего неолита Камчатки (по данным исследования стоянки Ушки-V, Усть-Камчатский район, п-ов Камчатка) // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле–Белокурихе. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017. – Т. I. – С. 167–171(0,1 п. л.; авторский вклад 0,1 п. л.).

42. **Понкротова И. Ю.** Критерии раннего неолита Камчатки (по данным исследования стоянки Ушки V, Усть-Камчатский район, п-ов Камчатка) // V (XXI) Всероссийский археологический съезд. – Барнаул: Алтайский государственный университет, 2017. – С. 841–842 (0,3 п. л.; авторский вклад 0,3 п. л.).
43. **Понкротова И. Ю.** Ушковские стоянки каменного века на Дальнем Востоке // Диалоги и сотрудничество. Китайско-российский археологический форум в бассейне Амур». Материалы Международная научно-практическая конференция 20.04.2018 (г. Харбин, Китай). – С. 49–54 (на рус. и кит. яз.) (0,5 п. л.; авторский вклад 0,5 п. л.).
44. **Понкротова И. Ю.** Периодизация каменного века полуострова Камчатка // Тихоокеанская археология: технологии, миграции, адаптации и материальная культура в древности. 2-ой Международный Симпозиум, 06–09 мая 2019 г., ДВФУ, г. Владивосток. – Владивосток: Изд-во ДВФУ университета, 2019. – С. 42–45 (0,1 п. л.; авторский вклад 0,1 п. л.).
45. **Понкротова И. Ю.** Знаки и образы в искусстве каменного века п-ова Камчатки (по данным исследования стоянки Ушки V) // Знаки и образы в искусстве каменного века: тезисы докладов Международной конференции, 27–29 ноября 2019 г. (электронное издание). – М.: ИА РАН, 2019. – С. 90–92 (0,1 п. л.; авторский вклад 0,1 п. л.).
46. **Понкротова И. Ю.** Заселение Камчатки в конце плейстоцена – среднем голоцене // V Международный Северный Археологический Конгресс: тезисы докладов, 11–14 декабря 2019 г. – Екатеринбург–Ханты-Мансийск, 2019. – С. 34–36 (0,1 п. л.; авторский вклад 0,1 п. л.).
47. **Понкротова И. Ю.** Периодизация каменного века полуострова Камчатка // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре, 2020. Самара, 10–12 февраля 2020 года. – Самара: Самарский государственный социально-педагогический университет, 2020. – С. 69–70 (0,1 п. л.; авторский вклад 0,1 п. л.).
48. **Понкротова И. Ю.** Человек и природная среда в конце плейстоцена – голоцене полуострова Камчатка // Междисциплинарные археологические исследования древних культур Енисейской Сибири и сопредельных территорий: материалы доклада международной конференции, Красноярск, 20–22 октября 2020 г. – Красноярск, 2020. – С. 26 (0,01 п. л.; авторский вклад 0,01 п. л.).
49. **Понкротова И. Ю.** Каменный век полуострова Камчатка: средний неолит // Тихоокеанская археология: взаимодействие культурных центров и периферий, континентальных и прибрежных обществ периода неолита–палеометалла. 3-й Международный археологический симпозиум, Владивосток, май 2020 г.: тезисы докладов. – Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2020. – С. 58–61 (0,1 п. л.; авторский вклад 0,1 п. л.).
50. **Понкротова И. Ю.** Стратиграфия многослойной стоянки Ушки V (полуостров Камчатка) // Геология палеолита Северной Азии: к столетию со дня рождения С. М. Цейтлина: материалы докладов международной геолого-

археологической конференции (симпозиума). – Красноярск, 2020. – С. 114–117 (0,1 п. л.; авторский вклад 0,1 п. л.).

51. **Понкратова И. Ю.**, Лбова Л.В., Губар Ю.С., Волков П.В. Окрашенные артефакты стоянки Ушки V (п-ов Камчатка) // Тихоокеанская археология. Эпоха камня и палеометалла – актуальные вопросы полевых и лабораторных исследований. 4-й Международный археологический симпозиум, Владивосток, 6–9 мая 2021 г.: тезисы докладов. – Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2021. – С. 93–94 (0,1 п. л.; авторский вклад 0,035 п. л.).

52. **Понкратова И. Ю.** Что если по льду? О возможных способах передвижения человека с Камчатки в Америку в древности // Актуальные проблемы изучения дописьменной истории Северной Евразии. – Якутск: ИГИиПМНС СО РАН, 2021. – С. 29–34 (0,25 п. л.; авторский вклад 0,25 п. л.).

53. **Понкратова И. Ю.** Многослойная стоянка Ушки V (полуостров Камчатка): научные открытия начала XXI века // От Енисейской губернии к Енисейской Сибири: два века, одна история: материалы VIII Сибирского исторического форума, Красноярск, 21–23 сентября 2021 г. [Электронный ресурс]. – Красноярск, 2021. – С. 102–106 (0,25 п. л.; авторский вклад 0,25 п. л.).

54. **Ponkratova I.** The Site Ushki-V (Kamchatka) and its place in the periodization of the archaeological cultures of the Northern Far East of Russia // The Initial Human Exploration of the Continental and Insular parts of the Eurasia. Suyanggae and Ogonki 22 (2) d International Symposium. – Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhalin State University, 2017. – Pp. 67–69 (0,2 п. л.; авторский вклад 0,2 п. л.).

55. **Ponkratova I.**, Lbova L. Symbol systems of ancient population of Kamchatka Peninsula // 26th Annual Meeting of the European Association of Archaeologists, Budapest, 2020: abstract book. – 2021. – Pp. 456 (0,1 п. л.; авторский вклад 0,1 п. л.).

56. **Ponkratova I.** From Continent to Continent: Proposed Pathways of Human Travel from Kamchatka to America in Ancient Times // 27th Annual Meeting of the European Association of Archaeologists, Kiel Virtual, 2021: abstract book, 2021. – Pp. 621 (0,1 п. л.; авторский вклад 0,1 п. л.).

57. **Ponkratova I. Yu.**, Devis L. G. Technological characterization of late Pleistocene-aged stemmed projectile points from the Ushki site, layer VII, Kamchatka, Russia // 27th Annual Meeting of the European Association of Archaeologists, Kiel Virtual, 2021: abstract book, 2021. – Pp. 620 (0,1 п. л.; авторский вклад 0,05 п. л.).

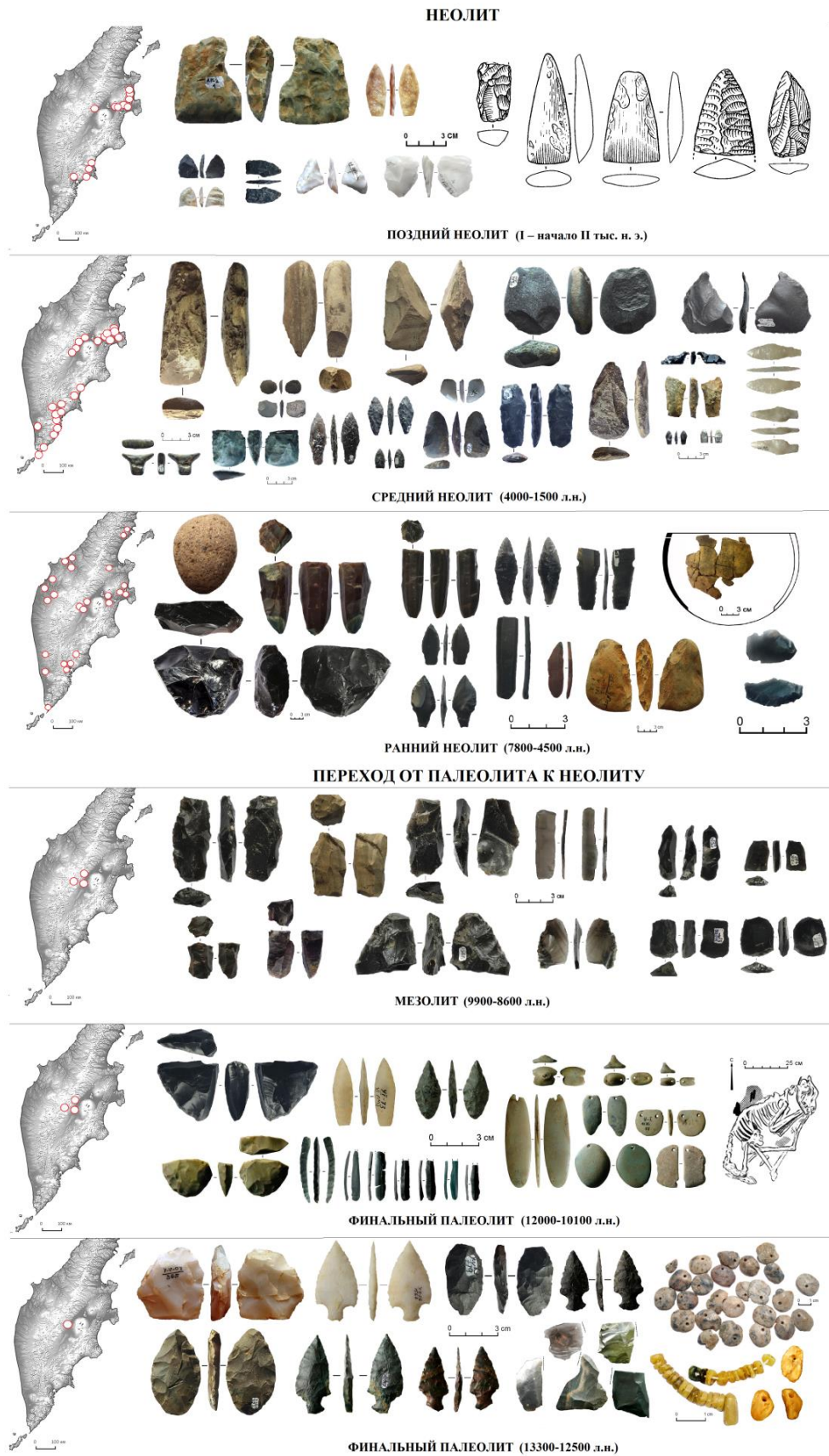

Рис. 1. Диахроническая схема периодов каменного века Камчатки от 13,3 тыс. лет до н.э. до I – начала II тыс. н. э.

Источники извержения, объем изверженных продуктов, км ³ / Максимальный класс КИ	Средний ¹⁴ C возраст, л.н	Периоды заселения, ¹⁴ C л.н.
5	–	Поздний неолит ~ 1052±25 – 1000±20
<i>Опала, кратер Бараний Амфитеатр, 9–10</i>	1500	
<i>Ксудац, 18–19</i>	1750	
Безымянный, ~1	2300	Средний неолит ~ 3640±40 – 2020±25
Ходуткинский кратер, 1–1.5	2500	
Шивелуч, ~1	2550	
Шивелуч, >1	2800	
Авачинский, >1.2	3300	
Шивелуч, ~1	3600	
4	3750	Ранний неолит ~ 6730±150 – 4030±35
Авачинский, >0.6	4000	
Шивелуч, >2	4100	
Авачинский, >1.1	4500	
Кратер Чаша, 0.9–1	4600	
Шивелуч, >2	4700	
Ильинский, 1.2–1.4	4850	
Шивелуч, >2	4800	
Авачинский, >1.3	5500	
<i>Ксудац, 7–8</i>	6000	
<i>Ксудац, 0.5–1</i>	6350	
Авачинский, >2.5	6500	
Шивелуч, 1.2	6850	
<i>Хангар, 14–16</i>	6900	
<i>Авачинский, >8–10</i>	7150	
Кизимен, 4–5	7550	Мезолит ~ 8850±40 – 7705±38
Шивелуч, >1	7900	
<i>Карымская кальдера, 13–16</i>	7900	
2	8100	Финальный палеолит 10240±75 – 9485±275
Шивелуч, >1	8200	
Шивелуч, >2	8300	
Плоские сопки (Ушковский), >2	8600	
Ксудац, 1.5–2	8850	
Шивелуч, 4–5л	9200	
Шивелуч, >10/л	10000	Финальный палеолит ~ 11330±50 – 10350±50
Плоские Сопки, 0.5л	10100	
1	20000	
<i>Малый Семячик, н.д.л</i>	20000	
<i>Кальдера Академии Наук, н.д.л</i>	28–48000	
<i>Шивелуч, >30/л</i>	~30000	
<i>Авачинский, 16–20/л</i>	~30000	
<i>Горель II, 120/л</i>	33–34000	
<i>Крашенинникова, 70/л</i>	35–38000	
<i>Хангар II, н.д.л</i>	38–40000	
<i>Узон-Гейзерная, 150/л</i>	39000	
<i>Опала, 250*/л</i>	39–40000	
<i>Ичинская III, н.д.л</i>	Поздний плейстоцен	
<i>Массив Плоских сопки, 25–30/л</i>	Поздний плейстоцен	
<i>Ксудац I, н.д.л</i>	Поздний плейстоцен	
<i>Ксудац II, н.д.л</i>	Поздний плейстоцен	
<i>Призрак I, н.д.л</i>	Поздний плейстоцен	
<i>Призрак II, н.д.л</i>	Поздний плейстоцен	
<i>Большой Семячик II, 42/л</i>	Поздний плейстоцен	

Рис. 2. Тейхронологическая шкала каменного века Камчатки. Извержения перечислены в хронологическом порядке. Радиоуглеродные возрасты округлены до ближайших 50 лет.

Выделены: жирным шрифтом – извержения, последствия которых оценены как экологическая катастрофа, серым цветом – этапы заселения человеком полуострова. Периоды активизации процессов эндогенного рельефообразования Камчатки ограничены рамками красного цвета, и пронумерованы в хронологической последовательности.

Таблица составлена по: [Пономарева, Мелекесцев, Базанова и др., 2010].